

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

На правах рукописи

Шайденко Даниил Александрович

**Институт задержания
в системе законодательства
о борьбе с преступностью**

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки

*Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук*

Омск 2026

Работа выполнена в федеральном государственном казенном образовательном учреждении высшего образования «Омская ордена Почета академия Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Научный руководитель:

Булатов Борис Борисович, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Омская ордена Почета академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Официальные оппоненты:

Азарёнок Николай Васильевич, доктор юридических наук, доцент, директор Института юстиции федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева» (г. Екатеринбург);

Лукьянова Алина Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Ведущая организация:

федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя»

Защита состоится 18 июня 2026 г. в 10:00 часов на заседании диссертационного совета 03.2.010.01, созданного на базе федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Омская ордена Почета академия Министерства внутренних дел Российской Федерации» по адресу: 644092, г. Омск, пр-кт Комарова, д. 7, зал заседаний ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Омская ордена Почета академия Министерства внутренних дел Российской Федерации» (<http://www.omamvd.ru/diss/>).

Автореферат разослан «___» апреля 2026 г.

**Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат юридических наук,
доцент**

Ларин Евгений Геннадьевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В рамках организованного 30 июня 2022 г. Комитетом Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству «Круглого стола», посвященного проблемам доктринального толкования и применения задержания в разных сферах правовой деятельности, применительно к задержанию подозреваемого звучала выработанная усилиями предшествующих и современных ученых идея размежевания «полицейского» и «следственного» задержания. Говорилось, что сведение факта захвата лица и решения следователя о водворении его в ИВС пусть к разным элементам, но единой сущности деформирует само понятие «задержание подозреваемого», не позволяя обеспечить как публичный интерес, так и интересы задерживаемого. Вместе с тем данная правильная, по существу, идея до настоящего времени не воспринята ни самим законодателем, ни учеными и практиками на уровне конкретного результата, проявляющегося в реальных действиях.

За последние несколько лет в УПК РФ внесен ряд изменений, анализ которых показывает, что задержание подозреваемого законодатель не рассматривает в качестве исключительно меры, обеспечивающей заключение под стражу. Так, запретив избрание мер пресечения, в том числе и заключения под стражу, в ходе «добавочного» расследования после истечения срока давности, законодатель формулирует такой же запрет и для задержания подозреваемого, хотя это подразумевается в силу взаимосвязи данных мер принуждения. Предусматривая дополнительные требования к основанию заключения под стражу в виде отсутствия заболевания, установленного перечнем Постановления Правительства РФ и определяемым им порядком, законодатель не синхронизирует новеллу с условиями и сроком задержания (весьма малого и нуждающегося в нормативном дозволении продления для целей проведения медицинского освидетельствования), в рамках которого будут собираться дополнительные сведения. Введя 30-суточный срок задержания в условиях военного положения, законодатель указал, что если в отношении подозреваемого не была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, то подозреваемый подлежит освобождению по истечении 30 суток с момента задержания. Здесь также не учтена цель задержания в виде решения вопроса о заключении под стражу, следование которой согласно разъяснению Пленума Верховного Суда РФ должно влечь освобождение задержанного немедленно после

отказа суда взять лицо под стражу, а не по истечении полного нормативного срока задержания.

Подобная смысловая «размытость» новейших изменений норм о задержании подозреваемого накладывается на труднопонимаемое положение о фактическом задержании, моменте, с которого исчисляется его срок, об основаниях задержания, написанных не для следователя, а для полицейского «на улице».

На доктринальном уровне предлагается рассматривать фактическое ограничение свободы доставленного к следователю лица в качестве элемента единого феномена «задержание подозреваемого», высказываются предложения о принятии федерального закона «О задержании», включающего фрагменты полицейских силовых действий.

В современном контексте нормативного регулирования публичная роль 48-часового конституционного срока задержания подозреваемого явно снижена, что вытекает из установок включать в него все временные отрезки, связанные с ограничением свободы лица. Вместе с тем данный срок призван обеспечить установление обстоятельств содеянного и обоснованное (на базе собранных доказательств) ходатайство перед судом о заключении под стражу. Умаление данного срока недопустимо.

Назревшие противоречия невозможно разрешить путем обращения лишь к задержанию подозреваемого. Без должного внимания остается сфера применения задержания осужденного, уклоняющегося от исполнения наказания. Неочевидна его отраслевая принадлежность, недостаточно урегулированы основания, условия, не предусмотрен порядок, зачастую используется межотраслевая аналогия.

В таких условиях необходим не только отраслевой взгляд на категорию «задержание подозреваемого», но и межотраслевой анализ процессуального, уголовно-исполнительного и статусного законодательства о правоохранительных органах, которые осуществляют силовой захват и доставку, обозначаемые термином «задержание». Иными словами, востребован масштабный взгляд на проблематику, способный привести к конкретному результату, позволяющему произвести комплексную корректировку ряда законов.

Теоретическое и нормативное «разведение» понятий, выражающих силовое и «юридическое» задержание, не ослабит, а, напротив, повысит уровень защищенности преследуемых лиц, поскольку повлечет не мнимый, а реальный механизм установления обстоятельств, в том числе сроков ограничения свободы и учета их при разрешении уголовного дела.

Мера уголовно-процессуального принуждения, именуемая задержанием подозреваемого, в теории уголовного процесса в целом неплохо просле-

живается в ее историческом развитии, показывающем связь с фактическим ограничением свободы. Однако остается без должного внимания современный встречный вектор формирования данной сущности в виде обратного влияния судебной процедуры заключения под стражу. Порядок избрания данной меры пресечения предполагает личное нахождение преследуемого лица в судебном заседании, предварительное его ознакомление с представляемыми в суд ходатайством и материалами, активное участие в их исследовании, реализацию иных прав, что делает предваряющий судебное заседание внесудебный краткосрочный арест (задержание подозреваемого) обязательной обеспечительной мерой, автономной от предшествующих силовых действий. Задача теории уголовного процесса — выявить и оценить сочетание в исследуемой мере принуждения элементов предшествующего (продолжения осуществляемой деятельности) и будущего (начала новых отношений).

Степень разработанности темы диссертационного исследования.

Различные аспекты института задержания рассматривались в научных работах таких известных специалистов права, как Н. В. Азарёнок, А. Н. Ахпанов, Б. Б. Булатов, С. И. Вершинина, В. Н. Григорьев, А. П. Гуляев, И. М. Гуткин, А. А. Давлетов, З. Д. Еникеев, З. З. Зинатуллин, К. Б. Калиновский, В. В. Кальницкий, Е. М. Клюков, З. Ф. Коврига, В. М. Корнуков, Ф. М. Кудин, Э. К. Кутуев, Д. Я. Мирский, В. В. Николюк, А. В. Павлов, И. Л. Петрухин, В. А. Похмелкин, С. Б. Россинский, А. В. Смирнов, М. С. Строгович, В. Т. Томин, Г. П. Химичева, О. И. Цоколова, А. А. Чувилов, и др. При этом в трудах Д. Я. Мирского, А. А. Давлетова, С. И. Вершининой развивается идея разграничения процессуального и фактического задержаний. Последнее авторы предлагают не включать в предмет уголовно-процессуального регулирования.

Отдельные аспекты уголовно-процессуального задержания подвергались анализу в рамках кандидатских и докторских диссертационных исследований. Однако почти все их авторы рассматривают захват и доставление в качестве составляющих процессуального задержания: И. А. Веретенников «Задержание подозреваемого как комплексный правовой институт» (2001); И. А. Ретюнских «Процессуальные проблемы задержания лица по подозрению в совершении преступления» (2001); П. Л. Сурихин «Уголовная ответственность за заведомо незаконное задержание» (2001); Е. А. Пидусов «Задержание подозреваемого по делам о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ (процессуальные и криминалистические аспекты)» (2002); А. Н. Резников «Деятельность защитника при применении задержания и заключения под стражу в российском уголовном процессе» (2003); Н. В. Луговец «Задержание подозреваемого и иные

меры процессуального принуждения» (2004); Е. Б. Догот «Права, свободы и неприкосновенность при задержании лица по подозрению в совершении преступления» (2004); Ю. П. Попова «Уголовно-правовая характеристика заведомо незаконного задержания, заключения под стражу и содержания под стражей» (2004); А. Б. Смушкин «Задержание в структуре тактической операции при расследовании преступлений» (2005); А. В. Ольшевский «Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения» (2006); Н. В. Попков «Задержание подозреваемого и обвиняемого как вид государственного принуждения» (2007); Х. М. Дадаев «Уголовная ответственность за незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей» (2007); М. Э. Исламов «Правовое регулирование задержания лица по подозрению в совершении преступления в российском уголовном процессе» (2008); Е. С. Березина «Задержание подозреваемого как институт уголовного судопроизводства» (2009); Ю. Ю. Ксендзов «Задержание и заключение под стражу подозреваемого» (2010); Э. З. Тешебаев «Задержание подозреваемого по законодательству Кыргызской Республики и Российской Федерации» (2013); И. А. Одинаев «Уголовно-процессуальное задержание в досудебном производстве Республики Таджикистан и Российской Федерации» (2020); Г. А. Чобанов «Противодействие заведомо незаконному задержанию (уголовно-правовой и криминологический аспекты)» (2022); А. А. Лукьянова «Реализация права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном процессе России» (2024).

Некоторые вопросы задержания осужденного рассмотрены в исследованиях О. В. Воронина «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с условно-досрочным освобождением» (2004); И. В. Пастухова «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора» (2005); Н. В. Николук «Производство по рассмотрению и разрешению дел о замене наказания в связи с уклонением осужденного от его отбывания» (2006); Л. В. Ложкиной «Заключение под стражу осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания наказания в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы» (2007); Л. А. Пупышевой «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса» (2022).

Основа современного доктринального представления о задержании осужденного, уклоняющегося от исполнения приговора, заложена В. В. Николуком в монографии «Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения» (2015).

Несмотря на то, что данной проблематике традиционно уделяется большое внимание, авторы, как правило, занимаются глубоким отраслевым исследованием уголовно-процессуального задержания или задержания осужденного. Исследование задержания не только «вглубь», а еще и «вширь» позволит охватить большой массив разрозненного правового регулирования данной меры принуждения. Комплексный подход к рассмотрению задержания предполагает, в частности, обращение к административному праву.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования являются правоотношения, возникающие при применении задержания в сфере противодействия преступности. Предмет исследования составляют нормы законодательства, регулирующие деятельность государственных органов по применению задержания, решения Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, законопроекты, ведомственные нормативные правовые акты, зарубежное и модельное уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство, материалы следственной и судебной практики, положения правовой доктрины, а также данные официальной статистики.

Цель и задачи диссертационного исследования. Целью исследования является совершенствование института задержания в сфере борьбы с преступностью в контексте развития идеи разграничения фактического ограничения свободы и решения о внесудебном аресте.

Достижение указанной цели обусловило необходимость постановки и разрешения следующих задач:

- на основе анализа правового регулирования выявить сущность задержания и систематизировать его виды;
- определить правовую основу и обозначить место в системе права задержания как фактического захвата и доставления;
- доказать, что уголовно-процессуальное задержание является кратковременным арестом, определить его цель и предложить иное наименование;
- установить соответствие оснований задержания подозреваемого институциональной природе современных органов предварительного расследования, сформулировать авторский вариант оснований;
- обосновать и предложить учитывающие публичный интерес и интерес преследуемого лица момент начала и порядок исчисления срока задержания подозреваемого;
- определить сущность и правовую природу задержания осужденного, уклоняющегося от исполнения приговора;
- выявить и систематизировать основания задержания осужденного, определить порядок его применения.

Теоретической основой исследования послужили научные труды дореволюционных, советских и современных ученых по теории государства и права, уголовному праву, уголовному процессу, уголовно-исполнительному праву, криминалистике, административному праву. В работе анализируются комментарии к Конституции Российской Федерации, уголовному и уголовно-процессуальному законодательству.

Научная новизна исследования состоит в том, что осуществлено комплексное исследование всех видов задержания, применяемых в сфере борьбы с преступностью.

Наполнена дополнительными аргументами и распространена на все регулирование задержания существующая в уголовно-процессуальной доктрине идея размежевания «фактического» и «юридического» задержания. Предложен и обоснован авторский подход к сущностному разграничению задержания на две разные составляющие:

- задержание как фактическое ограничение свободы (пресекательное задержание) — силовой захват и доставление предлагается рассматривать как институт административного права;
- задержание как решение о кратковременном лишении свободы (обеспечительное задержание).

С учетом того, что регулирование задержания в российском праве корректно уместилось в рамки данного подхода, удалось предложить и терминологическое разграничение данных институтов на собственно «задержание» и «предварительный арест».

Разработаны и аргументированы конкретные предложения по совершенствованию законодательства:

- сформулированы новые основания для уголовно-процессуального задержания (предварительного ареста), основанные на совокупности данных о причастности к преступлению и основаниях применения меры пресечения;
- предложен новый подход к исчислению срока задержания (с момента составления протокола) с механизмом зачета времени фактического ограничения свободы;
- приведены дополнительные аргументы в пользу комплексной уголовно-исполнительной и уголовно-процессуальной природы задержания осужденного, уклоняющегося от исполнения наказания;
- предложены унифицированные основания и порядок применения задержания осужденного.

Теоретическая и практическая значимость работы определяется тем, что исследование способствует преодолению традиционной общности в понимании задержания в рамках уголовного процесса,

уголовно-исполнительного и административного права, демонстрируя их взаимосвязь, различия и системные противоречия. Выводы диссертации развивают учение о мерах государственного принуждения, конкретизируют и разъясняют такие понятия, как «арест», «задержание», «содержание под стражей».

Примененный в работе системный и междотраслевой методологический подход может быть использован для последующих научных исследований правовых институтов, находящихся на стыке нескольких отраслей права. Проведенный анализ существующих научных позиций, исторического и зарубежного опыта создает целостную теоретическую картину генезиса, развития и современного состояния задержания, что может служить основой для дальнейших дискуссий и исследований.

Практическая значимость исследования состоит в том, что разработанные подходы способны на уровне конкретных рекомендаций облегчить понимание правоприменителями того, когда и какое задержание применяется. Положение, когда фактический захват и доставление не включаются в процессуальные меры, позволит сотрудникам силовых ведомств выполнять свои обязанности без обременения несвойственными им функциями по квалификации деяния на месте. Предложенные конкретные изменения в части оснований и исчисления срока уголовно-процессуального задержания могут найти отражение в законе и ведомственном правовом регулировании. Выводы, сделанные в части задержания осужденного, в перспективе способны повлечь необходимое для практики расширение полномочий органов уголовно-исполнительной системы на задержание.

Разработанные в ходе исследования положения могут найти применение в преподавании учебных дисциплин «Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс)», «Предварительное следствие в органах внутренних дел», «Дознание в органах внутренних дел», «Прокурорский надзор», использоваться для первоначальной подготовки полицейских, повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел, а также для подготовки научных работ и учебно-методических материалов.

Методы и методология исследования. Использован комплексный подход к исследованию данной проблематики. Он позволил выявить взаимосвязи, которые не удалось бы обнаружить при рассмотрении видов задержания по отдельности.

Проведенное в рамках теоретического анализа изучение научной литературы, нормативных актов, судебной практики и международных документов, связанных с задержанием, позволило выявить основные теоретические подходы к проблеме и определить пробелы в правовом регулировании.

Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления норм российского законодательства с международными стандартами и зарубежным опытом. Этот метод помог предложить пути совершенствования российского законодательства о задержании.

Историко-правовой метод позволил проследить путь эволюции правового регулирования задержания в России, начиная с дореволюционного периода и заканчивая современным законодательством. Этот метод позволил понять, как изменялись подходы к задержанию и какие факторы влияли на эти изменения.

Формально-юридический метод, то есть анализ нормативных актов, регулирующих задержание, с точки зрения их содержания, структуры и юридической техники, позволил выявить противоречия и пробелы в законодательстве.

Благодаря методу юридической интерпретации (толкование норм права, судебных решений и научных позиций с целью выявления их смысла и содержания) удалось познать, как применяются нормы о задержании на практике.

Эмпирический метод выразился в анализе судебной практики, материалов следственной деятельности, связанных с задержанием, и анкетировании практических работников. Данный метод позволил выявить проблемы в правоприменении и предложить пути их решения.

Метод моделирования применен в связи с созданием теоретической модели правового регулирования задержания, которая может быть использована для совершенствования законодательства. Этот метод позволил предложить конкретные изменения в нормативных актах.

Для анализа и обобщения данных использованы такие логические методы, как индукция и дедукция.

Положения, выносимые на защиту:

1. Широкое использование термина «задержание» во многих законах разного уровня (Конституция РФ, УПК РФ, УК РФ, УИК РФ, КоАП РФ, федеральные законы «О полиции», «О войсках национальной гвардии», «О федеральной службе безопасности» и др.) создает иллюзию проявления в различных правовых сферах единой сущности или различных элементов (частей) единой сущности. Данное обстоятельство дезориентирует правоприменителей, исследователей, порой и самого законодателя при определении оснований, моментов начала и окончания, сроков, субъектов и других процедурных элементов задержания в той или иной отрасли правовой деятельности, что должно быть преодолено не только историческим, но и межотраслевым охватом исследования феномена «задержания».

2. В общем виде в российском законодательстве существует два понимания задержания. Первое из них — фактическое ограничение свободы лица, которое происходит в условиях непосредственности, внезапности, очевидной противоправности совершенного деяния, без предварительно начатого производства и заключается в поимке и препровождении лица. Эти действия предусмотрены в Федеральном законе «О полиции», других законах о правовом положении правоохранительных органов и носят преимущественно административно-правовой характер. Такое задержание по своей сути является пресекательным. К нему относится и задержание в рамках фактической силовой реализации ранее принятого решения об ограничении свободы.

Второе понимание задержания — юридическое решение о кратковременном лишении лица свободы уполномоченным органом, сопровождаемое водворением в специальное помещение, в целях создания условий для рассмотрения в суде вопроса об избрании в отношении лица меры пресечения в виде заключения под стражу (уголовно-процессуальное задержание); решения вопроса о замене наказания или изменении вида исправительного учреждения (уголовно-исполнительное задержание); производства по делу об административном правонарушении (административное задержание). Это задержание является обеспечительным.

3. Нормы, регулирующие виды обеспечительного задержания, имеют существенные различия в целях, основаниях, условиях и образуют институты соответственно уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, административно-деликтного права; пресекательное (фактическое) задержание — институт административного права. Отношение к данным отраслевым мерам принуждения как к видам «единого» задержания условно и основано на закреплённой в Конституции РФ единственной общей для них характеристике — внесудебное лишение свободы до 48 часов.

4. Вместо «задержания подозреваемого» предложен термин «предварительный арест», более точно отражающий истинную сущность данной меры — досудебное заключение под стражу. Предварительный арест подозреваемого представляет собой меру процессуального принуждения, применяемую в рамках официального уголовного преследования, и заключается в принятии следователем, дознавателем, органом дознания решения о кратковременном лишении свободы. Лицо должно быть арестовано при необходимости заключения его под стражу, что требует наличия полученной процессуальными средствами совокупности доказательств. Предварительный арест имеет обязательный и обеспечительный характер по отношению к судебной процедуре избрания меры пресечения. Действия же по фактическому захвату и доставлению лиц должны именоваться «задержанием».

нием» без уточняющих слов «фактическое», «физическое», «полицейское» и т. п.

5. Формулировки, являющиеся на данный момент основаниями задержания подозреваемого, в российском праве появились в качестве конкретных фактических ситуаций, при которых орган, не уполномоченный по общему правилу на применение процессуальных мер, влекущих лишение свободы (полиция), такие полномочия получал. В настоящее время в этой части положение сохранилось: следователь, дознаватель и орган дознания формально вправе применять предварительный арест не иначе как по данным основаниям. Вместе с тем сама «полицейская» суть данных оснований не соотносится со спецификой деятельности современных следователей и дознавателей. В связи с этим основание задержания подозреваемого должна составлять совокупность доказательств, содержащих обоснованное подозрение в причастности лица к совершению преступления и указывающих на возможное ненадлежащее поведение, требующее заключения под стражу в качестве меры пресечения. Классические основания-ситуации следует использовать как данные, которые указывают на причастность и подлежат свободной оценке следователем наряду с иными сведениями, обосновывающими подозрение.

6. Срок предварительного ареста следует исчислять с момента принятия процессуального решения. Не отрицая важности заложенной в Конституции РФ и УПК РФ идеи об исчислении срока задержания с момента фактического ограничения свободы передвижения, необходимо признать публично важную роль 48-часового срока задержания для принятия законного и обоснованного решения о заключении под стражу и не снижать его путем вычета времени фактического задержания. В свою очередь для учета интересов подозреваемых и реализации заложенного в законодательстве замысла необходимо взять за основу распространенную в настоящее время судебную практику и закрепить в законе механизм зачета времени фактического ограничения свободы передвижения в срок содержания под стражей в качестве меры пресечения или при назначении наказания. Такой подход позволит в интересах обвинения и защиты эффективно использовать 48-часовой срок для подготовки к рассмотрению судом ходатайства о заключении под стражу.

7. Уголовно-исполнительное задержание, представляющее собой меру принуждения, применяемую с целью обеспечения участия осужденного в судебном заседании, предложено именовать «предварительный арест осужденного». Предварительный арест осужденного — решение уполномоченного органа уголовно-исполнительной системы о кратковременном лишении свободы, принимаемое одновременно с объявлением в розыск

осужденного, если установлено, что он скрылся с целью уклонения от наказания.

8. Отсутствие самостоятельной уголовной или административной ответственности за уклонение от отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы (за исключением ограничения свободы в качестве дополнительного наказания), и особый правовой статус лица, признанного виновным, определяют уголовно-исполнительную природу досудебной части предварительного ареста осужденного. Уникальность данной меры состоит в том, что ввиду судебной процедуры продления она приобретает комплексный характер (уголовно-исполнительный и уголовно-процессуальный).

Степень достоверности и апробация результатов. Диссертация основывается на широкой эмпирической базе, сформированной с учетом объекта и предмета исследования. Соискателем изучено 218 материалов уголовных дел Республики Бурятия, г. Санкт-Петербурга, Красноярского края, Иркутской, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Тюменской областей, опрошено 224 сотрудника органов внутренних дел, 53 сотрудника органов уголовно-исполнительной системы. Изучено 90 представлений органов уголовно-исполнительной системы (в том числе приложенные к ним материалы) о замене наказания, заключении под стражу осужденного и принятые по итогам их рассмотрения судебные акты. Посредством использования интернет-ресурсов, системы ГАС РФ «Правосудие», справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» изучены решения Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, судебная практика судов общей юрисдикции различных субъектов Российской Федерации, в частности, более 70 судебных решений, принятых по результатам рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора. Использовались данные официальной статистики и результаты эмпирических исследований, опубликованные другими авторами.

Работа обсуждена на заседании кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России. Основные результаты исследования опубликованы в 12 научных статьях общим объемом 4,9 п. л., подготовленных автором лично, из них 5 статей — в рецензируемых научных изданиях, входящих в перечень, определенный Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертационных исследований.

Теоретические и прикладные положения диссертации докладывались соискателем и обсуждались на семи конференциях: всероссийской научно-практической конференции «Совершенствование уголовно-процессуальных

и криминалистических мер противодействия преступности» (Омская академия МВД России, 2022, 2023); международной научной конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей «Преимственность и новации в юридической науке» (Омская академия МВД России, 2023, 2024, 2025); международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики» (Сибирский юридический институт МВД России, 2023); международной научно-практической конференции «Теория и практика борьбы с преступностью» (Уральский юридический институт МВД России, 2025).

Изучены 82 справки, подготовленные и направленные Следственными управлениями (Главными следственными управлениями) 82 субъектов Российской Федерации в целях формирования аналитического обзора с предложениями «Состояние работы органов предварительного следствия в системе МВД России по предупреждению преступлений в 2024 году» на основании заявки Следственного департамента МВД России от 10 июля 2024 г. В каждой из справок представлен раздел, посвященный мерам процессуального принуждения, в частности, задержанию. Результаты диссертационного исследования использованы при составлении указанного обзора, который был принят и направлен во все следственные подразделения органов внутренних дел Российской Федерации. Полученные результаты также внедрены в практическую деятельность Следственного управления УМВД России по Омской области, Оперативного отдела УФСИН России по Омской области. Сформулированные в диссертации выводы и рекомендации применяются в учебном процессе Омской академии МВД России, Сибирского юридического института МВД России, Барнаульского юридического института МВД России.

Структура и объем работы обусловлены целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, содержащих семь параграфов, заключения, списка литературы и приложений. Работа выполнена в объеме, предусмотренном Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются выбор темы, ее актуальность, степень разработанности; раскрываются объект и предмет исследования; определяются цель и задачи, теоретическая основа, научная новизна; характеризуются теоретическая и практическая значимость работы; указываются методология и методы исследования; формулируются положения, выносимые на

защиту; излагаются сведения о степени достоверности и апробации полученных результатов, структуре и объеме работы.

Первая глава «Общая характеристика института задержания в российском законодательстве» является общей частью исследования, в которой определяется содержание, вкладываемое в понятие «задержание», раскрывается его понимание в той или иной правовой сфере, а также место в системе права.

В *первом параграфе* «Правовое регулирование, сущность и виды задержания» диссертантом указывается, что задержание в российском законодательстве отличается неоднозначностью. Это обусловлено его межотраслевым характером и различной трактовкой в зависимости от сферы правового регулирования. Конституция РФ, закрепляя право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22), ограничивается установлением 48-часового срока внесудебного лишения свободы, не конкретизируя его основания и процедуру (они определяются отраслевым законодательством). При этом ряд позиций Конституционного Суда РФ делает легитимным представление о существовании единого феномена «задержание» как любого досудебного ограничения свободы. Такой подход создаёт предпосылки для разночтений, поскольку каждая отрасль права наполняет данный институт собственным содержанием.

Анализ нормативных актов позволяет выделить два подхода к пониманию сущности задержания. С одной стороны, оно рассматривается как внесудебный кратковременный арест, оформляемый решением уполномоченного органа (например, уголовно-процессуальное задержание в соответствии с УПК РФ или административное задержание в соответствии с КоАП РФ). Такое задержание именуется «обеспечительным». Второй подход рассматривает его как физический захват и доставление лица, которое может как предшествовать процессуальному задержанию, так и осуществляться независимо от него. Это задержание названо «пресекательным».

Законодатель зачастую использует «задержание» для обозначения этих разнородных явлений. Задержания, предусмотренные УПК РФ, УИК РФ, КоАП РФ, представляют собой меры, обеспечивающие производство (в том числе судебное). Законы о правовом положении правоохранительных органов и полиции называют задержанием действия по поимке, силовому захвату. Подобное словоупотребление смешивает меры принуждения, имеющие разную правовую природу и цели.

Соискатель считает, что вышеуказанное обстоятельство создает проблему в уголовном судопроизводстве: законодатель и ученые пытаются искусственно объединить задержание подозреваемого (ст. 91 УПК РФ) как меру

процессуального принуждения с фактическим захватом, хотя эти действия требуют различного правового регулирования. Ряд авторов (О. А. Зайцев, П. А. Смирнов) справедливо указывают на ошибочность законодательной попытки объединить в одном термине принципиально разные правовые явления.

Современное регулирование института задержания нуждается в систематизации. Для обеспечения правовой определённости необходимо:

1) законодательно развести понятия «процессуальное задержание» (как решение о кратковременном аресте) и «фактическое задержание» (как физический захват);

2) унифицировать терминологию в различных отраслях права, так или иначе регулирующих задержание;

3) исключить из процессуальных норм элементы, относящиеся к фактическому ограничению свободы.

Во *втором параграфе* «Правовая основа задержания как фактического ограничения свободы передвижения» диссертант отмечает, что место задержания в системе права тоже характеризуется неоднозначностью и зависит от понимания данной меры принуждения. Некоторые исследователи (И. А. Веретенников, В. Н. Григорьев) воспринимают задержание комплексно, включают в его содержание не только уголовно-процессуальные, но и административные элементы. Однако подобная широкая трактовка вызывает обоснованную критику, поскольку приводит к смешению разных правовых явлений — процессуальных решений о кратковременном аресте и фактических действий по ограничению свободы передвижения.

Конституционно-правовая основа задержания закреплена в ст. 22 Конституции РФ, устанавливающей фундаментальные гарантии свободы и личной неприкосновенности. Конституционные нормы образуют своеобразный «каркас» регулирования, запрещая внесудебное лишение свободы свыше 48 часов. Основанное на этом понимание, в соответствии с которым все меры принуждения, направленные на досудебное лишение свободы, являются видами «единого» задержания, достаточно условно и не отражает действительности (ввиду существенных содержательных различий). Поэтому меры принуждения, именуемые «задержанием», представляют собой самостоятельные отраслевые правовые институты.

Правовое регулирование задержания как кратковременного ареста проявляется в существовании трех основных его разновидностей: уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и административного. Каждая из этих форм имеет специфическое нормативное закрепление в соответствующих кодексах (УПК РФ, УИК РФ, КоАП РФ) и отличается субъектами, условиями, основаниями и порядком применения. Уголовно-

процессуальное задержание направлено на обеспечение судебного рассмотрения ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, уголовно-исполнительное — на обеспечение разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, административное — на обеспечение производства по делу об административном правонарушении.

Соискатель указывает на проблему правового регулирования фактического задержания, под которым понимаются действия по физическому захвату и доставлению лиц. В отличие от «процессуального» задержания эти меры часто применяются вне связи с возбуждением конкретного производства, что создает значительные сложности в определении их правовой природы. В научной литературе высказываются различные точки зрения: от отнесения таких действий к административному принуждению (Ю. П. Соловей) до предложений о выделении особого вида «полицейского задержания» (С. И. Вершинина).

Регулирование полномочий правоохранительных органов в части применения мер по задержанию (силовому захвату) осуществляется преимущественно через так называемые «статусные» законы («О полиции», «О ФСБ» и др.). Эти нормативные правовые акты предоставляют необходимые правовые основания для оперативного реагирования на противоправные действия посредством предоставления полномочий на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

По мнению ряда авторов, данные законы относятся к полицейскому праву (О. И. Бекетов, Ю. П. Соловей, В. И. Сургутсков, В. А. Юсупов) как подотрасли административного права. У этой точки зрения существуют противники (И. Ш. Килясханов, Ю. Н. Стариков). Есть основания считать, что задержание как фактическое ограничение свободы передвижения является институтом полицейского права. Однако диссертант не берется решительно отвечать на вопрос об объективном существовании данной подотрасли, поэтому отмечает, что в любом случае задержание — институт административного права.

Перспективы совершенствования правового регулирования института задержания видятся в следующих направлениях: ограничение понятия «задержание», которое должно означать только фактический захват и доставление, тогда этот термин не будет нуждаться в приписках «фактическое», «физическое», «полицейское» и т. п.; унификация регулирования пресекательных действий правоохранительных органов; возможная разработка комплексного закона о правоохранительной службе (в России рассматривался такой законопроект, однако закон так и не был принят).

Вторая глава «Задержание как досудебный кратковременный арест» посвящена исследованию содержательных и терминологических проблем

задержания подозреваемого как меры уголовно-процессуального принуждения, корректности использования классических оснований задержания в современных условиях, моменту начала исчисления срока задержания, а также исследованию задержания осужденного, уклоняющегося от исполнения приговора (отбывания наказания), в частности, определению правовой природы данной меры принуждения, разработке унифицированных оснований и порядка ее применения.

В *первом параграфе* «Сущность, цель и наименование уголовно-процессуального задержания» рассматривается уголовно-процессуальное задержание, которое предлагается переосмыслить и переименовать в «предварительный арест». Соискатель анализирует две основные научные позиции: согласно первой задержание сводится к помещению лица в ИВС и является исключительно процессуальным действием, применяемым после возбуждения уголовного дела. Вторая позиция трактует задержание шире, включая в него не только содержание под стражей, но и предшествующие действия — фактический захват и доставление подозреваемого. Такой подход нашел отражение в законодательстве ряда постсоветских государств (воспринявших положения Модельного УПК стран СНГ), где задержание определяется как комплекс мер, начиная с момента ограничения свободы передвижения.

Диссертант подвергает критике расширительное толкование задержания, указывая на его противоречия. Во-первых, фактический захват и доставление лица часто происходят до возбуждения уголовного дела, когда еще неясно, является ли деяние преступлением или административным правонарушением. Во-вторых, эти действия осуществляются лицами, которые, как правило, не являются уполномоченными на это субъектами уголовного процесса. В-третьих, смешение фактического задержания с процессуальным создает терминологическую путаницу, поскольку в общественном сознании «задержание» стало ассоциироваться именно с силовым захватом, а не с правовой мерой принуждения.

Для устранения этих противоречий предлагается четкое разграничение:

1) фактическое задержание (захват и доставление) должно регулироваться административным правом как действия по пресечению правонарушений, не зависящие от наличия возбужденного уголовного дела;

2) предварительный арест (нынешнее процессуальное задержание) — это мера уголовно-процессуального принуждения, применяемая следователем, дознавателем или органом дознания после возбуждения дела и направленная на обеспечение последующей судебной процедуры избрания меры пресечения.

Переход от термина «задержание» к «предварительному аресту» подчеркивает процессуальную природу меры, исключает ее смешение с полицейскими действиями и способствует более четкому регулированию ограничения свободы в уголовном судопроизводстве.

Во *втором параграфе* «Основания уголовно-процессуального задержания» исследуются основания, предусмотренные ст. 91 УПК РФ, в контексте рассмотрения данной меры принуждения как «предварительного ареста». Анализ показывает, что современные основания задержания имеют глубокие исторические корни, восходящие к французскому институту дознания очевидных преступлений (*flagrantdelit*) и идеям Ч. Беккариа о доказательствах для заключения под стражу. Эти положения были заимствованы российским законодательством еще в XVIII–XIX веках и сохранились практически в неизменном виде до настоящего времени. При этом исторически данные основания не образовывали автономной меры принуждения, а создавались для регулирования деятельности полиции как органа, не имеющего отношения к уголовному преследованию, но вынужденного в исключительных случаях применять меры пресечения (в частности, взятие под стражу). В современном процессе, где следователи и дознаватели являются полноценными субъектами расследования, применение этих «полицейских» оснований является формальным и не соответствующим специфике их деятельности.

Эволюция правового регулирования привела к терминологическому разделению «задержания» и «заключения под стражу», однако их сущностное единство сохранилось. На современном этапе задержание приобрело обязательный по отношению к заключению под стражу характер, вызванный отсутствием возможности предварительного получения решения уполномоченного органа, как это было по УПК РСФСР. Однако последние изменения УПК РФ показывают неоднозначное отношение законодателя к задержанию, ему вновь придается некий автономный смысл. Так, введен запрет на применение мер пресечения, в том числе заключения под стражу, в ходе «добавочного» расследования при истечении сроков давности. Аналогичный запрет сформулирован и для задержания (ч. 3 ст. 91 УПК РФ). Также в новой редакции ч. 2 ст. 94 УПК РФ оказалась не учтена цель задержания в виде решения вопроса о заключении под стражу: введя 30-суточный срок задержания в условиях военного положения, законодатель указал, что при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемый подлежит освобождению по истечении 30 суток с момента задержания, хотя согласно разъяснению Пленума Верховного Суда РФ освобождение задержанного должно случиться немедленно после отказа суда взять лицо под стражу, а не по истечении срока задержания.

Соискатель предлагает изменения оснований задержания (предварительного ареста), которые должны включать:

1) отказ от «полицейских» формулировок в качестве оснований предварительного ареста (они должны использоваться как данные, подтверждающие обоснованность подозрения, именно так их воспринимает Верховный Суд РФ);

2) указание в законе на то, что целью предварительного ареста является избрание меры пресечения в виде заключения под стражу;

3) унификацию оснований предварительного ареста и заключения под стражу ввиду исторического единства данных мер (пределы доказывания оснований применения этих мер, очевидно, должны различаться);

4) решение о предварительном аресте, основанное на доказательствах.

Предлагается следующая редакция основания предварительного ареста: «Следователь, дознаватель, орган дознания вправе подвергнуть лицо предварительному аресту при наличии достаточных данных, указывающих на его причастность к совершению преступления, если есть основания полагать, что данное лицо совершит действия, указанные в пунктах 1–3 части первой статьи 97 настоящего Кодекса».

В *третьем параграфе* «Момент начала исчисления срока уголовно-процессуального задержания» исследуется проблема определения момента начала исчисления 48-часового срока задержания, установленного ст. 22 Конституции РФ. Анализ показывает, что на практике сложились три основных подхода:

1) с момента фактического задержания (ограничения свободы передвижения) — позиция, закреплённая в решениях Конституционного Суда РФ и поддерживаемая рядом ученых (О. В. Десятова, Н. О. Овчинникова, Г. В. Стародубова, В. С. Шадрин и др.). Именно такое исчисление срока, по мнению соискателя, изначально заложено в закон;

2) с момента доставления к следователю, дознавателю, в орган дознания — распространённая практика, основанная, помимо прочего, на толковании ст. 92 УПК РФ. Этот вариант часто применяется судами при рассмотрении ходатайств о заключении под стражу и является теоретически проработанным и достаточно аргументированным (Н. В. Азарёнок, А. А. Давлетов, В. Н. Гапонова, И. А. Ретюнских и др.);

3) с момента составления протокола — позиция, которая находит отражение в некоторых судебных решениях и обосновывается ссылками на процессуальный смысл задержания, предусмотренного ст. 91 УПК РФ. При этом ряд авторов считает, что момент фактического задержания, исходя из толкования п. 15 ст. 5 УПК РФ, — момент составления протокола (В. Н. Григорьев, С. В. Супрун).

Эмпирические данные (анализ 218 материалов уголовных дел) показывают, что на практике срок чаще исчисляется с момента доставления или составления протокола, что существенно увеличивает реальный период ограничения свободы. Такое положение дел объясняется рядом факторов: исторической преемственностью (в УПК РСФСР срок исчислялся с момента доставления); практической целесообразностью (48 часов часто недостаточно для проведения всех необходимых процессуальных действий); географическими особенностями России.

Соискателем анализируются представленные в юридической науке и практике два возможных пути решения проблемы:

1) исчисление срока с момента составления протокола с обязательным последующим зачетом времени фактического ограничения свободы в срок содержания под стражей или наказания. Этот вариант позволяет: сохранить для органов расследования полноценные 48 часов; обеспечить учет всех периодов ограничения свободы; унифицировать правоприменительную практику;

2) введение специальной процедуры судебного продления срока задержания через отдельное минимально обоснованное для этого ходатайство.

Наиболее предпочтительным представляется первый вариант, так как он: учитывает сложившуюся судебную практику; обеспечивает баланс интересов государства и личности; не требует радикального пересмотра действующего регулирования. Также нуждается в пересмотре отношение к 48-часовому сроку задержания, а именно восприятие его не как элемента репрессии, а как общественно полезного временного отрезка, обеспечивающего законное и обоснованное разрешение ходатайства о заключении под стражу.

Обращено внимание на законодательную новеллу о необходимости установления отсутствия заболевания, препятствующего содержанию под стражей, на этапе избрания меры пресечения (ч. 2¹ ст. 108 УПК РФ). Указанное изменение не согласуется с процедурой задержания (предварительного ареста) и его сроком.

Ключевым выводом параграфа является необходимость четкого законодательного закрепления момента начала исчисления срока задержания. В качестве такового предлагается момент принятия процессуального решения (составления протокола), такой подход согласуется с восприятием данной меры как кратковременного ареста. В то же время необходимо введение механизма обязательного зачета времени фактического ограничения свободы в срок содержания под стражей или наказания. Включение данного обстоятельства в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ) — один из вариан-

тов такого механизма. Это позволит соблюсти конституционные гарантии прав личности, не снижая эффективности уголовного преследования.

В *четвертом параграфе* «Задержание осужденного: сущность и отраслевая принадлежность» соискатель последовательно обосновывает специфический характер данной меры принуждения, которая, будучи формально схожей с уголовно-процессуальным и административным задержанием, обладает принципиальными отличиями в основаниях применения и функциональном назначении. Диссертант аргументирует его уголовно-исполнительную природу, которая выражается в:

- 1) специфике оснований применения;
- 2) отсутствию самостоятельной ответственности за уклонение от наказаний, не связанных с изоляцией от общества (за исключением ограничения свободы). В противном случае применялось бы уголовно-процессуальное или административное задержание;
- 3) особом правовом статусе осужденного, который, будучи признанным виновным, уклоняется от наказания. Данное лицо, по мнению соискателя, не обладает полноценным объемом конституционных гарантий личной свободы и неприкосновенности.

Цель данной меры принуждения — обеспечение участия осужденного в судебном заседании при рассмотрении вопросов, связанных с заменой наказания или изменением исправительного учреждения.

Задержание осужденного рассматривается в рамках предлагаемого диссертантом подхода к разграничению. Данная мера рассматривается как обеспечительная и, соответственно, наряду с уголовно-процессуальным и административным задержаниями, является кратковременным арестом (а не захватом и доставлением). В связи с этим задержание осужденного, уклоняющегося от исполнения приговора, предлагается именовать «предварительный арест осужденного». Исследуется проблема субъектного состава: соискатель, опираясь на работы В. В. Николюка, Л. А. Пупышевой, других авторов и правоприменительную практику, выявляет противоречие между формальным закреплением полномочий на задержание осужденного (кратковременный арест) за органами внутренних дел и фактической необходимостью расширения компетенции сотрудников УИС. Изменения, внесенные Федеральным законом от 31 июля 2025 г. № 323-ФЗ в Закон «Об учреждениях и органах УИС», расширили территориальные пределы и основания применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, разрешив их применение сотрудниками УИС при розыске осужденных, уклоняющихся от исполнения наказания. По сути, теперь данные сотрудники на уровне федерального закона получили полномочия осуществлять захват и препровождение осужденных в полицию. Самостоя-

тельного полномочия на задержание в качестве кратковременного ареста данные органы по-прежнему не имеют.

Диссертантом предлагается подход, согласно которому предварительный арест осужденного выступает как единая мера принуждения, объединяющая первоначальное лишение свободы на срок до 48 часов и последующее судебное продление до 30 суток. Такой подход позволит преодолеть существующую терминологическую коллизию между продлением срока задержания (УИК РФ) и заключением под стражу (УПК РФ). Если досудебная часть предварительного ареста является уголовно-исполнительной, то в целом данная мера (по причине судебного порядка продления) имеет комплексную уголовно-исполнительную и уголовно-процессуальную природу. Предпочтение отдано продлению срока предварительного ареста, а не применению заключения под стражу ввиду сугубо обеспечительного характера данной меры, не претендующей, по мнению соискателя, на роль самостоятельного вопроса, связанного с исполнением приговора.

В пятом параграфе «Основания и порядок задержания осужденного» соискателем высказываются предложения по совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства, предусматривающие основания и порядок задержания осужденного. Многие авторы указывают на отсутствие в законе порядка задержания осужденного и недостаточно четко сформулированные основания его применения (С. И. Вершинина, А. Б. Диваев, В. Н. Омелин, А. А. Плашевская, Л. В. Черепанова и др.). Применение в этом случае по аналогии порядка задержания подозреваемого (гл. 12 УПК РФ) спорно, ученые отмечают некорректность такого способа преодоления пробела (А. В. Симоненко).

Соискатель пришел к выводу, что основанием для предварительного ареста является установленный факт того, что осужденный скрылся с целью уклонения от исполнения наказания и (или) контроля. Данная мера принуждения должна применяться органами УИС одновременно с объявлением осужденного в розыск на основании предварительно собранных сведений. Закон предусматривает различные действия, совершив которые осужденный может быть признан уклоняющимся от наказания, однако аргументировано, что предварительный арест должен применяться только тогда, когда осужденный скрывается с целью уклонения. Соответственно, юридическим основанием должно служить постановление об объявлении осужденного в розыск и предварительном аресте. Осужденный считается скрывшимся, если его местонахождение не установлено в течение 30 дней первоначальных розыскных мероприятий (ПРМ), которые предусмотрены при уклонении от отдельных видов наказаний. При уклонении осужденного

от получения предписания о следовании к месту отбывания принудительных работ или в колонию-поселение либо от прибытия в указанные места в предусмотренный в предписании срок ПРМ законом не предусмотрены. Однако судебная практика показывает, что фактически определенное время такие действия проводятся. В связи с этим с учетом строгости данных наказаний диссертантом предложен 15-дневный срок мероприятий, направленных на установление местонахождения осужденного, перед объявлением его в розыск.

Порядок применения данной меры должен предполагать: вынесение постановления об объявлении в розыск и аресте осужденного; задержание (захват и доставление) сотрудниками ОВД или УИС на основании данного постановления; составление протокола, отражающего обстоятельства задержания; уведомление инициатора розыска, который должен обеспечить направление в суд соответствующего представления; содержание осужденного под стражей до доставления в суд, но не более 48 часов; при необходимости срок предварительного ареста может быть продлен судом в пределах 30 суток.

В **заключении** подводятся итоги выполненного исследования, формулируются предложения по совершенствованию уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, даются рекомендации в сфере правоприменения, а также излагаются перспективы дальнейшей научной разработки темы.

В **приложениях** отражены результаты анкетирования сотрудников органов внутренних дел, органов уголовно-исполнительной системы.

Основные положения диссертационного исследования опубликованы в следующих работах:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертаций:

1. *Шайденко, Д. А.* Многозначность термина «задержание» по российскому законодательству / Д. А. Шайденко. — Текст : непосредственный // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2024. — Т. 30, № 1. — С. 20–24 (0,51 п. л.).

2. *Шайденко, Д. А.* Задержание подозреваемого: сущность и наименование / Д. А. Шайденко. — Текст : непосредственный // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2024. — № 2. — С. 201–206 (0,58 п. л.).

3. *Шайденко, Д. А.* О способе преодоления противоречий, связанных с исчислением срока задержания подозреваемого / Д. А. Шайденко. — Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2025. — № 1. — С. 194–201 (0,86 п. л.).

4. *Шайденко, Д. А.* Задержание осужденного, уклоняющегося от исполнения наказания: сущность и отраслевая принадлежность / Д. А. Шайденко. — Текст : электронный // Международный научный вестник. — 2025. — № 9. — С. 64–69 (0,64 п. л.).

5. *Шайденко, Д. А.* Отраслевая принадлежность задержания как фактического захвата и доставления / Д. А. Шайденко. — Текст : электронный // Международный научный вестник. — 2025. — № 10. — С. 290–296 (0,75 п. л.).

Иные публикации:

6. *Шайденко, Д. А.* Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по задержанию подозреваемого / Д. А. Шайденко. — Текст : электронный // Правовые технологии. — 2023. — № 2. — С. 122–125 (0,23 п. л.).

7. *Шайденко, Д. А.* Задержание осужденного — самостоятельная разновидность кратковременного лишения свободы лица, признанного виновным / Д. А. Шайденко. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXVI международной научно-практической конференции (г. Красноярск, 20–21 апреля 2023 г.). — Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2023. — С. 157–159 (0,24 п. л.).

8. *Шайденко, Д. А.* Сущность, выражаемая категорией «задержание», в законодательстве уголовно-правового комплекса / Д. А. Шайденко. — Текст : непосредственный // Преемственность и новации в юридической науке : материалы международной научной конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей (г. Омск, 23 мая 2023 г.). — Омск: Омская академия МВД России, 2023. — С. 137–139 (0,13 п. л.).

9. *Шайденко, Д. А.* Задержание подозреваемого в условиях военного положения / Д. А. Шайденко. — Текст : непосредственный // Совершенствование уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействия преступности : материалы международной научно-практической конференции (г. Омск, 24 ноября 2023 г.). — Омск: Омская академия МВД России, 2024. — С. 160–162 (0,15 п. л.).

10. *Шайденко, Д. А.* Задержание лица по подозрению в совершении преступления с административной преюдицией / Д. А. Шайденко. — Текст : непосредственный // Преемственность и новации в юридической науке :

материалы международной научной конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей (г. Омск, 21 мая 2024 г.). — Омск: Омская академия МВД России, 2024. — С. 146–148 (0,14 п. л.).

11. *Шайденко, Д. А.* Генезис оснований задержания подозреваемого в российском уголовном процессе / Д. А. Шайденко. — Текст : непосредственный // Законодательство и практика. — 2024. — № 1. — С. 48–51 (0,46 п. л.).

12. *Шайденко, Д. А.* О сущности и правовой природе задержания осужденного / Д. А. Шайденко. — Текст : непосредственный // Преемственность и новации в юридической науке : материалы всероссийской научной конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей (г. Омск, 20 мая 2025 г.). — Омск: Омская академия МВД России, 2025. — С. 146–149 (0,19 п. л.).

Подписано в печать 15.04.2026

Усл. печ. л. 1,5
Тираж 130 экз.

Уч.-изд. л. 1,5
Заказ № 132

ОПиОП РИО Омской академии МВД России
644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7